

О.В. Натолочная

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ИЗМЕНЕНИЕ МИРОВОЗРЕНИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Проблема политической культуры одна из важнейших в истории российского общества. В отличие от других великих держав, Россия перешла к демократическому общественному устройству лишь в конце XX столетия. Те типы политической культуры, которые характеризовали Россию в Новое время и на протяжении большей части XX в., существенным образом отличаются от нынешних. На протяжении XX в. в отечественном социуме сформировалась специфическая политическая культура, значительная часть которой была органично воспринята жителями современной России. Это обстоятельство делает весьма важным изучение блока компонентов политической культуры и механизмов его развития в доперестроечные годы.

Под политической культурой общества обычно понимается политический опыт граждан, формирующийся на разных уровнях политического сознания и определяющий их политическое поведение, которое выражается в отношении к Отечеству, к господствующей системе и к ее деятелям.

Официальная политическая культура представляет наибольший интерес для исследования в периоды ее преобладающего созидающего воздействия. Поэтому определение подлинного облика господствовавшей политической культуры в послевоенный период является весьма актуальной проблемой.

Изучение специфики политической культуры в авторитарный период тесно связано с использованием политических мифов. Манипулирование массовым политическим сознанием невозможно без активного использования мифологем. Достижение широкомасштабных общественных

задач предполагает активное участие значительной части трудоспособного населения, причем участие, сопровождающееся серьезным ущемлением личных интересов. Активизировать сознание масс можно только путем формирования на уровне обыденного сознания упрощенных и максимально притягательных политических мифов, выступающих в качестве побудительного фактора к совершению массового действия.

Таким образом, формирование в массовом сознании некоего комплекса мифологем – неотъемлемая часть развития официальной политической культуры. Советская политическая культура характеризовалась использованием политических мифов.

Первый послевоенный год стал переломным в развитии менталитета советских людей, как, впрочем, и всего мира. Завершилась Вторая мировая война, которая изменила судьбы миллионов людей. Советские граждане мысленно все чаще обращались к прошлому, ища в нем нравственную опору. Руководство страны четко уловило это изменение и быстро поняло, что эмоциональный уровень восприятия большинством граждан политической системы общества начинает базироваться теперь на историческом сознании.

В первом редакционном материале после победы в «Правде» было написано: «*Победа не пришла сама собой. Она одержана самоотверженностью, героизмом, воинским мастерством Красной Армии и всего советского народа. Ее организовала наша непобедимая большевистская партия, партия Ленина-Сталина, к ней привел нас великий Сталин. Да здравствует наша великая сталинская Победа!*»[1]. Победа одновременно была названа «нашей» и «сталинской», но смысл подтекста был очевиден: «нашей» победа стала только потому, что она изначально была «сталинской». В том же номере «Правды» в разделе «Вести из страны» победа характеризовалась как день, предсказанный товарищем Сталиным[2].

В обращении к народу самого Сталина акценты были расставлены несколько иначе. Вождь обращался к «соотечественникам» и «соотечественницам», отдавая должное

народу-победителю: «...Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отанный на алтарь отечества, – не прошли даром и увенчались победой над врагом»[3]. В Обращении не было ни слова сказано о партии и ее роли в организации победы над врагом. Stalin просто исключил это промежуточное звено между собой и народом.

24 мая 1945 г. Stalin произнес свой знаменитый тост «за здоровье русского народа», в котором назвал русский народ «руководящей силой Советского Союза среди всех народов нашей страны», причем, говоря о руководящем народе, он вновь обмолвился о «руководящей партии»[4]. Спустя месяц, 25 июня, на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы, в сталинской интерпретации появился новый нюанс – положение о «винтиках». Несмотря на то что этот тост часто цитируется, выхваченный из общего контекста публикаций, он представляет ограниченное поле для анализа. Между тем контекст в данном случае не менее важен, чем содержание тоста. Stalin выступил в заключительной части приема, после того, как отзвучали здравицы в честь военачальников, организаторов науки, руководителей промышленности. Его речь как бы выбилась из общего ключа. Stalin предложил тост «за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, грубо говоря, ни черта ни стоим... это люди, которые держат нас, как основание держат вершину»[5].

Таким образом, Stalin несколько скорректировал свой прежний тезис о единстве вождя и народа, построив отношения между ними на принципе «вершины» и «основания», одновременно понизив статус «руководящего и великого народа» до народа-«винтика». Тост заключал в себе и другой смысл: в нем Stalin не только устанавливал принцип иерархической общности между вождем и народом, но и одновременно противопоставлял «простых людей» «на-

чальникам», сохранив за собой положение верховного арбитра, центра, где сходятся нити управления и массами, и руководителями.

Еще до того, как вынесенная из войны система жесткого противостояния «мы – они» начнет менять субъекты отношений, Сталин осознанно или подсознательно старался направить этот процесс в нужное ему русло. Он вычленил себя из общности «мы», оставаясь за рамками всей конструкции, сохраняя за собой право управления процессом размежевания, в том числе и право определения «наших» и «не наших». Фактически это был возврат к довоенной системе властных отношений, восстанавливающей абсолютную власть вождя. Не случайно многие фронтовики говорили о чувстве обиды и горечи, которые вызывало обращение к ним как к «винтикам». И хотя пропаганда утверждала, что слово вождя о «винтиках» – это «слово дружеское, отеческое» и что оно поднимает всех наших людей», иллюзий подобные заявления не прибавляли. Особенно мало иллюзий и надежд оставляла реальная жизнь.

Обоснованию прав Сталина на победу была посвящена специальная редакционная статья «Правды», в которой говорилось: *«Еще задолго до современной войны... товарищ Сталин предвидел ход событий... Прозорливо, мудро определил товарищ Сталин программу борьбы советского народа против сильного и коварного врага... На массовые героические подвиги звал советских людей вдохновляющий пример товарища Сталина... Товарищ Сталин является созиателем современной военной науки... Счастьем советского народа является то, что в дни тяжелых военных испытаний во главе всех вооруженных сил СССР, во главе советского государства встал величайший мыслитель, организатор, стратег, воплотивший в себе героизм советского народа»* [6].

Так складывалась новая концепция победы, которая прошла в своем развитии три этапа:

- 1) признание равных прав на победу Сталина и народа;
- 2) переход к иерархической конструкции «Сталин-отец» – «народ-винтик»;

3) растворение народной победы в имени Сталина, который становится ее символом, ее, по сути, единственным живым носителем (Сталин, «воплотивший в себе геройзм советского народа»).

Строился очередной миф. И наряду с подлинной историей Великой Отечественной войны начинала свою жизнь история мифологизированная. Война была не просто историческим событием. Она была большим явлением в духовной жизни людей. В духовной сфере было сохранено то ценное, что принес опыт войны, – чувство истинного гражданства, которому не было выхода в реальной политической жизни.

Можно понять тех ветеранов, которые не хотят мириться с навязываемым им суждением о том, что все их усилия на войне сводились к защите режима, к поддержанию системы, которая, не будь они столь упорны, рухнула бы сама собой. Подобные суждения не только нравственно ущербны, они некорректны прежде всего исторически, поскольку игнорируют главное – взгляд на войну самих фронтовиков. Он, этот взгляд, тоже не был единым и устойчивым: война по-разному виделась окопнику и штабисту, штрафнику и гвардейцу. Но было в восприятии войны нечто общее, что роднило всех: со страниц фронтовых писем и дневников война часто предстает не в привычном героическом ореоле, а по-житейски обыденно, как просто «трудная работа», на которой даже самое страшное – смерть – становится «бытом». И люди постепенно привыкали к этой новой жизни, и уже не она, а прежняя, довоенная, казалась им необычной и почти недосягаемой.

Поэтому и желания солдат «чаще всего были самые простые, – рассказывает, например, фронтовик М. Абдулин, – выпасться, помыться в бане, пожить хоть неделю под крышей, получить из дома письмо. Самая большая мечта была: остаться живым и поглядеть, какой будет жизнь»[7]. Об этом думали солдаты на войне. Когда же она отодвинулась в прошлое, само восприятие военных лет поднялось на новый уровень. Война, писал в этой связи писатель-фронтовик В. Кондратьев, «вспоминается вовсювшими хорошо потому, что все страшное и тяжелое в

физическом смысле как-то смылось в памяти, а осталась лишь духовная сторона, т.е. светлые и чистые порывы, присущие войне справедливой, войне освободительной[8]. И как итог: «Война оказалась для нас самым главным делом нашего поколения»[9]. Об этом пишет и В. Астафьев: «На исходе лет вдруг обнаруживаешь: что и было в твоей жизни, чем можно гордиться, о чем печалиться, это она – война» [10]. Признание имеет прямое отношение не только к опыту войны, но и к реалиям послевоенной жизни, на фоне которой – так сложилось – война выделялась как нечто несравненно более яркое, а главное, нравственно высокое. Духовный настрой военных лет во многом был уникальным. И не потому только, что сама эта ситуация с необходимостью меняла прежние приоритеты в системе государственных и человеческих отношений.

Парадоксально, но цена человеческой личности поднялась именно тогда, когда были потеряны целые армии, а жизнь солдата, казалось, уже вообще ничего не стоила. Психологический поворот, не в последнюю очередь обусловивший и перелом в ходе войны, вырастал на основе преодоления этого парадокса. Война предоставила редкий шанс материализации гражданского чувства народа, которое десятилетиями культивировалось приспособленным к задачам режима и было привязано к весьма абстрактным, либо далеким от практической жизни понятиям. А здесь оно обрело плоть и кровь конкретной цели – защиты Отечества, сомкнувшись в этом главном своем смысле с исторической традицией прошлых веков. Тогда человек ощутил себя гражданином. «На войне я был до необходимости необходим, – вспоминал герой рассказа В. Кондратьева «Знаменательная дата». – И не всяким меня заменить можно было. Вот предположим, что вместо меня на том левом фланге с тем же ручником другой солдат. И уже уверенности нет, что он немца задержит – и глаз другой, и смекалка, и характер послабже, может... Там такое чувство было, словно ты один в своих руках судьбу России держишь» [11].

Психологическая природа того, что обычно называют гражданским чувством, здесь передана удивительно точно: идет внутренняя переоценка своего «я», которое вырастает

до уровня общественной самооценности («я был до необходимости необходим»). А если так, то закономерно увеличивается степень внутренней свободы личности, не случайно многие фронтовики впоследствии вспоминали, что на войне они чувствовали себя более свободными, чем в мирное время.

«Дух свободы», о котором до сих пор вспоминают фронтовики, это все-таки нечто совершенно иное, чем «свобода быта» на войне, и несравненно более важное для оценки послевоенной ситуации. «Как очевидец и как историк свидетельствую, – пишет М. Гефтер, – 41-й 42-й множеством ситуаций и человеческих решений являли собой стихийную десталинизацию» [12]. И в другом месте поясняет свою мысль: «В тяжких испытаниях войны возродился – вместе с чувством личной ответственности за судьбу отечества – и личный взгляд, вернее, зародыш личного взгляда на то, каким ему, отечеству, надлежит стать уже сейчас и тем паче в будущем»[13].

С войны пришел иной человек, он на многое смотрел другими глазами. Видел то, чего раньше не замечал, и сомневался в том, что еще не так давно считал самим собой разумеющимся. Процесс психологической переориентации личности ускорился на последнем этапе войны, когда советский солдат перешагнул границу своей страны и соприкоснулся с другой культурой – политической, духовной, экономической. В результате с войны вернулся человек, обладающий опытом и знанием сравнения.

«Контраст между уровнем жизни в Европе и у нас, контраст, с которым столкнулись миллионы воевавших людей, был нравственным и психологическим ударом», – вспоминал К. Симонов[14]. В его пьесе «Под каштанами Праги», написанной в 1945 г. по «горячим» впечатлениям, есть одна сцена, в которой чешка говорит русскому полковнику: «Вы не должны любить Европу. Вас должны раздражать эти особняки, эти виллы, эти дома с железными крышами. Ведь вы отрицаете это?» На что следует ответ собеседника: «Отрицать можно идеи, отрицать железную крышу нельзя. Коль она железная, так она железная»[15]. Принятие этой «железной истины», несмотря на ее очевид-

ность, требовало огромной работы: психологический шок должен был постепенно смениться новым видением жизни, в основе которого лежат не идеологические шоры, а реальные факты. В таком мировосприятии любая ситуация получает шанс на вариативность, а значит, она в какой-то степени становится зависимой от индивидуального выбора.

Психологическая природа противостояния мыслей и поступков людей вытекает из сущности самой войны. Только на войне психологическая конструкция «мы – они» существует в чистом виде обоюдного неприятия. «Они» воспринимались не просто как другое сообщество, а как сообщество, безусловно, враждебное. Граница между «мы» и «они» проходит не внутри общества, а за его пределами. Ощущение психологической цельности общества, в котором нет внутренних врагов, у многих наших соотечественников породило определенные надежды на то, что военный мир станет и миром гражданским.

В действительности психологическая ситуация после войны складывалась по-иному: «они» были побеждены и, значит, прекратили свое существование в качестве объекта противостояния. Сама же конструкция «мы – они», принявшая к тому времени форму духовной организации жизни, осталась. На месте «они» образовался вакуум. Психологический подтекст развития послевоенных событий прочитывался по мере того, как заполнялся этот вакуум. Процесс этот протекал достаточно сложно в зависимости от того, как складывались послевоенные жизненные ориентации, формировались текущие требования и перспективные притязания различных общественных групп.

После войны наступает период «затечивания ран» и физических, и душевных – сложный, болезненный период возвращения к мирной жизни, в которой даже обычные бытовые проблемы, например, проблема дома, подчас становятся в разряд неразрешимых. Проблема дома не только в смысле жилья, а прежде всего как проблема жизни, семьи (для многих за годы войны утраченной) становится главной проблемой послевоенного бытия. Ведущей психологической установкой на тот момент для фронтовиков была

задача приспособиться к этой жизни, вписаться в нее, научиться жить по-новому.

Сам факт военной победы действительно поднял на небывалую высоту международный престиж Советского Союза и авторитет режима внутри страны. «Опьяненные победой, зазнавшиеся, – писал в этой связи писатель-фронтовик Ф. Абрамов, – мы решили, что наша система идеальна... и не только не стали улучшать ее, а, наоборот, стали еще больше догматизировать» [16]. Русский философ Г. Федотов, размышляя о влиянии роста авторитета Сталина на развитие внутриполитических процессов, тоже приходит к малоутешительному выводу: «Наши предки, общаясь с иностранцами, должны были краснеть за свое самодержавие и свое крепостное право. Если бы они встретили повсеместно такое же раболепное отношение к русскому царю, какое проявляют к Сталину Европа и Америка, им не пришло бы в голову задуматься над недостатками в своем доме» [17].

Демократические традиции во внутренней жизни страны были очень слабы, политические структуры и способы организации духовной жизни тяготели к авторитарным формам и не были восприимчивы к разного рода новациям. Но война, открывшая окно в мир, дала возможность учиться на опыте демократических государств Европы и Америки. Не случайно М. Гефтер, имея в виду процессы эволюции сознания людей на войне, писал: «Да, это наше – русское, российское, советское, но это еще и Мир, вошедший в нас тогда...»[18]. Война расширила пределы сознания, а вместе с тем и зону «субъективного всемогущества», в которой человек был потенциально готов реализовать себя. Весной сорок пятого «люди не без основания считали себя гигантами», – делился своими размышлениями Э. Казакевич[19].

С этим настроением фронтовики вошли в мирную жизнь, оставив, как им тогда казалось, за порогом войны самое страшное и тяжелое. Однако действительность оказалась сложнее, совсем не такой, какой она виделась из окопа. «В армии мы часто говорили о том, что будет после войны, – вспоминает журналист Б. Галин, – как мы будем

жить на другой день после победы, и чем ближе было окончание войны, тем больше мы об этом думали, и многое нам рисовалось в радужном свете. Мы не всегда представляли себе размер разрушений, масштабы работ, которые придется провести, чтобы залечить нанесенные немцами раны» [20]. «Жизнь после войны казалась праздником, для начала которого нужно было только одно – последний выстрел», – как бы продолжал эту мысль К. Симонов [21]. Иных представлений трудно было ждать от людей, четыре года находящихся под психологическим прессом чрезвычайной военной обстановки, сплошь и рядом состоящей из нестандартных ситуаций. Вполне понятно, что нормальная жизнь, где можно просто жить, не подвергаясь ежеминутной опасности, в военное время виделась как подарок судьбы. «Война в сознание людей – фронтовиков и тех, кто находился в тылу, привнесла переоценку и довоенного периода, до известной степени идеализировав его. Испытав на себе лишения военных лет, люди, часто подсознательно, скорректировали и память о прошедшем мирном времени, сохранив хорошее и забыв о плохом. Желание вернуть утраченное подсказывало самый простой ответ на вопрос “как жить после войны?” – “как до войны”» [22].

Надежда на лучшее и питаемый ею оптимизм задавали ударный ритм послевоенной жизни, создавая особую – послепобедную атмосферу. «Все мое поколение, за исключением разве некоторых, переживало трудности, – вспоминал то время известный строитель В.П. Сериков. – Но духом не падали. Главное – война была позади. Была радость труда, победы, духа соревнования» [23]. Эмоциональный подъем народа, стремление приблизить своим трудом настоящему мирную жизнь позволило довольно быстро решить основные задачи восстановления. Однако этот настрой, несмотря на его огромную созидательную силу, нес в себе и тенденцию иного рода: психологическая установка на относительно безболезненный переход к миру, восприятие этого процесса как в общем непротиворечивого, чем дальше тем больше не спешила превращаться в «жизнь-сказку».

Война, прошедшая по территории страны, оставила тяжелое наследие, это было очевидно. Обращает на себя внимание непрятательность желаний людей, требующих всего лишь установления прожиточного минимума, и ничего сверх того. Мечты военных лет о том, что после войны «всего будет много» и наступит счастливая жизнь, начали довольно быстро приземляться, девальвироваться, а набор благ, входящих в «предел мечтаний» оскудел настолько, что, зарплата, дающая возможность прокормить семью и комната в коммунальной квартире уже считались подарком судьбы. Но миф о «жизни-сказке», живущий в обыденном сознании и, кстати, поддерживаемый мажорным тоном всей официальной пропаганды, любые трудности преподносящей как «временные», часто мешал адекватному усвоению причинно-следственных связей в цепи волнующихся людей событий. Поэтому, не находя видимых причин для объяснения «временных» трудностей, которые попадали бы под категорию объективных, люди искали их в привычных чрезвычайных обстоятельствах. Выбор и здесь был не слишком велик. Все трудности послевоенного времени объяснялись последствиями войны.

После войны читательскую аудиторию библиотеки пополнили молодые фронтовики, процесс интеллектуального роста которых прервала война и которые в силу этого после фронта вернулись к юношескому кругу чтения. Но есть и другая сторона этого вопроса: рост интереса к такого рода литературе и кинематографу был своеобразной реакцией отторжения той жестокой реальности, которую несла с собой война. Нужна была компенсация психологическим перегрузкам. Поэтому на войне можно было наблюдать, свидетельствует, например, фронтовик М. Абдулин, «страшную жажду всего, что не связано с войной. Нравился немудрящий фильм с танцами и весельем, приезд артистов на фронт, юмор» [24]. Жажда мира, подкрепленная верой, что жизнь после войны быстро будет меняться к лучшему, сохранялась на протяжении трех-пяти послепобедных лет.

«Жизнь-праздник», «жизнь-сказка» – с помощью этого образа в массовом сознании моделировалась и особая кон-

цепция послевоенной жизни – без противоречий, без напряжения, стимулом развития которой был фактически только один фактор – надежда. И такая жизнь существовала, но только в кино и книгах. Интересный факт: за время войны и в первые послевоенные годы в библиотеках отмечался рост спроса на литературу приключенческого жанра и даже сказки.

В феврале 1947 г. в беседе с деятелями культуры И.В. Сталин отметил: «Историю мы выбрасывать не можем...»[25]. Меры к укреплению политической культуры населения в этой сфере были приняты незамедлительно, тем более, что само руководство страны пыталось осмысливать собственную деятельность в историческом ракурсе. Более того, Сталин – политик, необычайно чутко улавливавший как изменения в настроениях масс, так и политическую конъюнктуру в целом, уже в речи 24 мая 1945 г. сделал поворот в сторону великорусских взглядов на историю страны в ущерб федеративным идеям ее официального устройства.

Пreamble to the change of priorities of mass воспитательной work became a discussion around such historical films as «Иван Грозный» Сергея Эйзенштейна, «Адмирал Нахимов» Всеволода Пудовкина and others. At the meeting of the Central Bureau of the VKP(b) on August 9, 1946, Stalin subjected already shot films to a full-scale demolition[26]. Errors of film creators in the presentation and interpretation of historical events, in his opinion, were connected with a lack of knowledge of history. «It is necessary to correctly and strongly show historical figures, – underlined the leader. The most important – to observe the style of historical epoch» [27].

Затем последовали постановления ЦК «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 г.), «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 г.), о кинофильме «Большая жизнь» (4 сентября 1946 г.). Теперь во главу массовой воспитательной работы был поставлен советский патриотизм как идеально-эмоциональная категория. В последующих постановлениях ЦК ВКП(б) требование «воспитывать всех трудящихся в ду-

хе советского патриотизма и национальной гордости» становится обязательным[28].

Первой массовой акцией в этом ряду стало празднование 800-летия основания Москвы. В этом же направлении были мобилизованы усилия деятелей науки и культуры. Отправной точкой послужила дискуссия по вопросам философии, развернутая по инициативе ЦК ВКП(б) на основе обсуждения изданной в 1946 г. книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Робкая попытка объективного анализа философской мысли прошлого, предпринятая автором книги, была подвергнута уничтожающей критике. В конце 1948 г. правительство начало кампанию против космополитизма, носившую откровенно антисемитский характер. Был распущен Еврейский антифашистский комитет, сыгравший в годы Второй мировой войны существенную роль в сборе средств на борьбу с гитлеровцами, закрыты культурные организации и редакции периодических изданий, действовавшие под его эгидой. Несколько сот членов комитета было арестовано, а самые активные в 1952 г. расстреляны.

В январе 1949 г. руководство страны инициировало дискуссию по проблемам истории. В Ленинграде 5–10 января 1949 г. состоялась сессия АН СССР, которая была посвящено 225-летней годовщине со дня основания Российской академии наук. На сессии всячески подчеркивались великорусские корни российской государственности, а история народов, в свое время подвергшихся колонизации Российской империей, рассматривалась исключительно в свете развития их дружественных отношений с метрополией.

Исходной точкой нового витка в эволюции массовой политической культуры, той вехой, которая приходится на конец 1946 г., стало начало учебного года в системе партийно-политического образования. К этому было приурочено торжественное открытие 1 ноября Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Акцент на развитие сети высшего партийного образования означал, что в 1946 г. был взят курс на расширение рядов партийно-советской номенклатуры и укрепление ее спло-

ченности. Стержнем массового патриотического воспитания должна была стать идея «московского патриотизма», на что в одном из своих публичных выступлений 1947 г. прямо указал секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Попов[29]. В этой же речи содержалось знаковое определение Москвы как центра «славянского мира».

В последних числах октября 1946 г. была завершена работа над полнометражным научно-историческим фильмом «Сердце Родины», посвященным истории Москвы со дня ее основания. Вскоре состоялись первые закрытые просмотры картины, а к концу года фильм уже находился в широком прокате. Одновременно, по указанию сверху, учреждения культуры развернули пропаганду роли Москвы в истории страны в связи с 800-летним юбилеем столицы. Кампания по выборам в Верховный Совет РСФСР, которые должны были состояться в ноябре, также проходила под лозунгом воспитания великорусского патриотизма и осознания общественно-политической значимости Москвы как столицы СССР[30].

Вместе с тем в условиях послевоенной разрухи и голода, когда огромные массы населения вынуждены были жить в землянках, некоторые меры правительства по укреплению «московского патриотизма» не придавались широкой огласке. Среди них, например, воплощение идеи о Москве как центре славянского мира (в декабре 1946 г. завершилась работа по созданию в столице Института славяноведения АН СССР[31]) и о Москве как мировом центре архитектурно-инженерной теории и практики (13 января 1947 г. было принято закрытое постановление правительства о строительстве в столице восьми небоскребов) [32].

1947 г. стал переломным в реализации той концепции борьбы с преступностью, которая теоретически была взята на вооружение еще в 1920–1930-х гг. Ее основой послужило высказывание В.И. Ленина о том, что преступность в советской республике является пережитком капиталистического общества[33]. И.В. Сталин, со своей стороны, в ряде работ выводил уголовную преступность в СССР из деятельности агентурных разведок западных государств. Согласно его логике, борьба с преступностью в конечном сче-

те ставила милицию в подчиненное положение органам госбезопасности. Эти идеи нашли воплощение в ряде законодательных актов. Одним из них явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» [34], который наделил органы госбезопасности рядом дополнительных полномочий. Одновременно в стране заметно усилился общий режим секретности, в рамках которого милиция и органы безопасности получили указание установить всеобъемлющий контроль за деятельностью иностранных журналистов[35].

Все это говорило о том, что «закрытость» советского государства для мирового сообщества продолжала оставаться важным элементом советской политической культуры, а органы МВД и их состав – гарантами и проводниками политики «железного занавеса». Таким образом, среди сотрудников органов внутренних дел по-прежнему культивировалась психология «защитников осажденной крепости», что не могло не оказывать мощного воздействия на их мировоззрение и политические пристрастия в целом.

Примечания:

1. Правда. 1945. 9 мая.
2. Там же.
3. Правда. 1945. 10 мая.
4. Правда. 1945. 25 июня.
5. Правда. 1945. 27 июня.
6. Правда. 1945. 28 июня.
7. Шел солдат...//Комсомольская правда. 1990. 28 апр.
8. Кондратьев В. Парадоксы фронтовой ностальгии //Литературная газета. 1990. 5 мая. С. 9.
9. Там же. С.10.
10. Астафьев В. Высота войны //Литературная газета. 1991. 19 июня. С.1.
11. Кондратьев В. Указ. соч. С. 9.
12. Гефтер М. «Сталин умер вчера...» // Иного не дано. М., 1988. С. 305.
13. Гефтер М. От анти-Сталина к не-Сталину: непройденный путь. //Осмыслить культа Сталина. М., 1989. С.501.
14. Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. //Знамя. 1988. № 3. С. 48.

15. Там же.
 16. Абрамов Ф. А люди ждут, ждут перемен. Из дневниковых и рабочих записей // Известия. 1990. 3 февр.
 17. Федотов Г. Россия и свобода // Знамя. 1989. № 12. С.214.
 18. Гефтер М. «Сталин умер вчера....». С.305.
 19. Казакевич Э. Г. Слушая время: Дневники, записные книжки, письма. М., 1990. С.316.
 20. Галин Б. В одном населенном пункте: рассказ пропагандиста // Новый мир. 1947. № 11. С.162–163.
 21. Симонов К. Собр. Соч: В 6 т. М., 1967. Т. 3. С.124.
 22. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. С.36.
 23. Сериков В. Договор по совести // Роман-газета. 1986.
- № 7. С.9.
24. Абдулин М. Шел солдат // Комсомольская правда. 1990.
- 28 апр.
25. Марьямов Г. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. С.86.
 26. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.71. Оп.10. Д. 140. Л.9–12.
 27. Марьямов Г. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. С.87.
 28. О недостатках и мерах улучшения работы с агитаторами в Стalingрадской партийной организации: Постановление ЦК ВКП(б). 27 ноября 1947 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1985. Т.8. С.154.
 29. Беда А.М. Советская политическая культура через призму МВД. 1945–1958 годы. М., 2002. С.31.
 30. Правда. 1946. 30 нояб.
 31. Досталь М.Ю. Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР. // Славяноведение. 1996. № 6. С.3–25.; Аксенова Е.П. 50 лет Института славяноведения и балканистики РАН. // Там же. С. 26.
 32. Астафьев-Дlugач М.И., Волчок Ю.П. Москва строится. М., 1983. С. 180; Тарханов А., Кавтарадзе С. Сталинская архитектура: образы рая и ада // Architector (Екатеринбург). 1993. № 1. С.27.
 33. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С.163.
 34. Правда. 1947. 10 июня.
 35. Стейнберк Дж. Русский дневник: Пер. с англ. М., 1989. С.21, 36, 37, 132.